

А. Д. Керимов, Е. В. Халипова

ПРАВОМЕРНО ЛИ ВЫДЕЛЕНИЕ ЛИШЬ ТРЁХ ВЕТВЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?

Аннотация. Авторы, пытаются ответить на вопрос правомерно ли на современном этапе выделение лишь трёх ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной и не устарела ли в этом смысле теория разделения властей. В статье приводятся суждения значительного числа учёных-юристов, придерживающихся различных, зачастую прямо противоположные точек зрения по данному вопросу. Авторы формулируют и обосновывают собственное видение означенной проблемы.

Ключевые слова: разделение властей, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, президент, центральный банк, счётная палата, конституционный суд, контрольная власть, уполномоченный по правам человека.

Как известно, статья 10 главы 1 Конституции России гласит: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную». Ни о каких иных ветвях государственной власти в Основном законе нашей страны не говорится. Заметим при этом, что данное конституционное установление (наряду со всеми прочими положениями глав 1, 2 и 9 Конституции) не может быть пересмотрено Федеральным Собранием. Для этого необходимо прибегнуть к весьма сложной процедуре, описанной в статье 135 Конституции.

Тем не менее, вопрос, правомерно ли, оправдано ли, наконец, целесообразно ли вычленение лишь трёх ветвей государственной власти как в нашей стране, так и в других государствах с некоторыми пор волнует и российских, и зарубежных учёных-юристов, политических деятелей. В настоящей статье мы попытаемся сформулировать и обосновать собственное видение означенной проблемы.

В отечественной и иностранной специальной литературе, пожалуй, наиболее распространённой, является точка зрения, согласно которой власть в государстве для его нормального функционирования должна подразделяться на законодательную, исполнительную и судебную. Одним из наиболее ярых сторонников этой позиции является В.Д.Зорькин. Во вступительной статье к фундаментальному труду «Комментарий к Конституции Российской Федерации», озаглавленной «Конституция 1993 года – правовая легитимация новой России» он, в частности, пишет: «Три ветви (власти – А.К., Е.Х.) – только в этом треугольнике Божественное начало права может себя проявить как в правотворчестве,

так и в правоприменении». И далее: «Невозможно говорить о четвёртой, пятой и т.д. государственной власти (как невозможно поджечь немножко кислорода как часть воздуха). Иной подход ведёт к разрушению конструкции правовой государственности»¹.

Такой же позиции придерживается и В.А.Четвернин. Он прямо заявляет: «Если механизм государства построен на основе разделения властей, то есть только органы законодательной, исполнительной и судебной власти. При этом возможно такое соотношение законодательных и исполнительных органов, которое отклоняется от строгого разделения законодательной и исполнительной властей в президентских республиках, образцом которого служат США»². Но такое отклонение не порождает новые ветви государственной власти наряду с законодательной и исполнительной»³.

Осмелимся утверждать, что высказанные суждения методологически ущербны. Прежде всего, они страдают излишней безапелляционностью, априори исключающей право на существование, истинность и обоснованность иных противоположных им или хотя бы ставящих их под сомнение воззрений. Но это, пожалуй, не главное. Гораздо существенней то, что данные суждения демонстрирует, на

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 12.

² Любопытно, но В.Д.Зорькин, напротив, считает, что «наиболее последовательной формой разделения властей является президентская республика (по типу США)». (Там же.)

³ Проблемы общей теории права и государства. Под общ. ред. В.С.Нерсесянца. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА. М, 1999. С. 580.

наш взгляд, в корне неверное понимание будущего, как веками дрящущегося и уныло самовоспроизводящегося «теперь», как вечно развёртывающегося во времени настоящего. Между тем, в чём уж точно нельзя, если так можно выразиться, обвинить исторический процесс, так это в унылости, однообразии и предсказуемости его течения. Мы доподлинно не знаем будущего, оно нам неведомо. Мы вправе претендовать лишь на то, чтобы намечать его предполагаемые контуры, воображать его самые общие, весьма расплывчатые очертания. Будущая действительность всякий раз оказывается неизмеримо богаче, насыщеннее и многообразнее любых наших предожиданий. Это целиком и полностью, может быть даже в первую очередь, относится к сфере политической, государственно-правовой. Именно здесь потрясающая по своей сложности диалектика субъектно-объектных отношений, необходимости и случайности невероятно усложняет осуществление научного прогнозирования, а порой ставит под сомнение саму его возможность, по крайней мере, в долгосрочной, стратегической перспективе. При таком положении принципиально ошибочно настаивать на некой изначальной заданности и незыблемости любых форм государственного бытия. В сущности, все без исключения теоретические конструкции в области государствоведения (как, впрочем, и в других отраслях обществоведения) в будущем неизбежно подвергнутся частичному или полному, незначительному или существенному, даже радикальному, но непременно пересмотру, а соответствующие им, то есть созданные на их основе структуры, органы и институты трансформации или упразднению.

Именно это в известной степени и происходит ныне с теорией разделения властей. Многие юристы, как в нашей стране, так и за её пределами, полагают, что один из её основных постулатов, то есть постулат, согласно которому существуют лишь три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная, практически устарел, не в полной мере соответствует современным реалиям и, следовательно, нуждается в уточнении. Они считают, что помимо названных трёх ветвей есть и другие, играющие в государственном механизме не менее важную роль.⁴

⁴ См. в этой связи: Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. 4-е издание, переработанное и дополненное. Т. 1. М.: НОРМА: Инфра-М, 2010. С. 396 – 401.

Действительно, совершенно очевидно, что в подавляющем большинстве демократических или вставших на путь демократических преобразований стран создаются и действуют государственные институты, которые практически невозможно или, по крайней мере, весьма затруднительно отнести к той или иной из трёх традиционных ветвей власти.

Многие отечественные и зарубежные государствоведы не дают чёткого и однозначного ответа на вопрос о том, к какой из властей относится Президент страны (и его администрация (или секретариат), оказывающая, как известно, огромное влияние на функционирование как государственного механизма, так и всей политической системы общества)? Что касается России, то, по мнению Б.С.Эбзеева, диалектика конституционно-правового статуса главы государства у нас такова, что он, оставаясь вне пределов традиционно вычлняемых трёх ветвей государственной власти, не входя непосредственно ни в одну из них, фактически и юридически «присутствует» во всех одновременно. Президент издаёт нормативные указы (статья 90 Конституции), в некоторых случаях выполняющие роль первичных правовых регуляторов, контролирует правительство (статьи 83, 111, 113, 115 – 117), выполняет отдельные квазисудебные функции (статья 85).⁵ В.Д.Зорькин же полагает, что российский Президент, исполняя функции главы государства, по своей юридической природе находится в сфере исполнительной власти.⁶ Нам в данном случае ближе позиция В.Д.Зорькина.

Аналогичный вопрос возникает и в отношении прокуратуры. По непонятным причинам статья 129 Конституции России, речь в которой и идёт о прокуратуре, помещена в главу 7 «Судебная власть». Казалось бы, можно заключить, что прокуратура в нашей стране относится именно к судебной власти. Именно так, по всей видимости, и считает В.Д.Зорькин, настаивая на том, что прокуратура

⁵ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 117, 658 – 659.

С.М. Шахрай, комментируя статью 11 Конституции России, также подчёркивает, что президент страны «не входит прямо ни в одну из ветвей государственной власти согласно принципу разделения властей». (Там же. С. 122.).

⁶ См. там же. С. 12.

Интересно, что даже в рамках одного научного исследования разными учёными-юристами высказываются различные точки зрения.

– это не особая власть наряду с тремя властями. С его точки зрения, статья, «посвящённая прокуратуре не случайно оказалась в главе «Судебная власть» (ст. 129 Конституции), со всеми вытекающими отсюда последствиями и требованиями к законодателю».⁷ С.А.Авакьян напротив убеждён, что помещение норм о прокуратуре в указанной главе «можно считать просчётом создателей конституционного текста»⁸

С тем, что прокуратура не является особой властью, равнозначной трём традиционно выделяемым властям, пожалуй, следует согласиться. Вместе с тем вряд ли её можно отнести к судебной власти. Безусловно, прав Президент нашей страны В.В.Путин, утверждая, что «Конституция Российской Федерации оставила открытым вопрос о месте прокуратуры в системе органов власти». «К сожалению, – продолжает он – действующий Закон о прокуратуре не восполняет этот пробел в полном объёме. Действующая концептуальная модель не даёт полного и ясного ответа как на теоретические, так и на многие практические вопросы».⁹ Ещё более определённо высказывается судья Конституционного суда России Н.В.Мельников. Он настаивает на том, что прокуратура не относится ни к судебной, ни к законодательной, ни к исполнительной власти. Комментируя статью 129 Конституции, он подчёркивает, что в Законе о прокуратуре прямо указано на независимость деятельности прокуратуры от каких-либо ветвей власти.¹⁰

Далеко неочевидно место в системе разделения властей и многих других государственных институтов, в частности, таких, как Центральный банк, Счётная палата, Центральная избирательная комиссия, уполномоченный по правам человека (омбудсман), даже Конституционный суд.¹¹

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. 4-е издание, переработанное и дополненное. Т. 1. М.: НОРМА: Инфра-М, 2010. С. 398.

⁹ Быть прокурором в наши дни не просто. Выступление Президента Российской Федерации В. Путина на Всероссийском совещании прокуроров. Российская газета. 2001. 13 января.

¹⁰ Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 938.

¹¹ Разумеется, эти или аналогичные им органы в разных странах (там, где они существуют) носят различные наименования.

Так, по мнению Е.В.Тарибо, Центральный банк России нельзя отнести ни к одной из ветвей государственной власти. Более того, он полагает, что Центральный банк хотя и осуществляет некоторые функции органа государственной власти по характеру своей деятельности является, прежде всего, банком, кредитным учреждением.¹²

Счётная палата Российской Федерации, как считает Т.Я. Хабриева, это орган, олицетворяющий собой специфическую форму парламентского контроля. Она подкрепляет свою точку зрения, обращая внимание на следующие обстоятельства. Ещё в 2001 году Счётная палата выступила с предложением внести изменения в Федеральный закон, регулирующий её деятельность. Предполагалось переподчинение её непосредственно Президенту страны, а также наделение её таким важным полномочием, как возбуждение уголовных дел, создание её структурных подразделений в федеральных округах, субъектах федерации, городах, районах и т.д. Разумеется, как отмечает, Т.Я.Хабриева, это превратило бы Счётную палату в контролирующий орган, в сущности, включённый в систему органов исполнительной власти. Между тем, Лимская декларация руководящих принципов контроля, принятая в 1977 году IX Конгрессом международной организации высших органов финансового контроля, провозглашает безусловную независимость контрольного органа от проверяемых им организаций. Вместе с тем указанная Декларация допускает такое положение, когда контрольный орган является представителем парламента и осуществляет проверки по указанию последнего, требуя при этом, чтобы Конституция и соответствующий закон содержали положения, обеспечивающие автономию контрольного органа и возможностью работать с высокой степенью инициативности.¹³ Б.С.Эбзеев также полагает, что Счётная палата является не органом Российской Федерации, а выступает в качестве органа парламента страны. Такой взгляд на её конституционно-правовую природу, с точки зрения учёного, более отвечает смыслу части 5 статьи 101 Конституции).¹⁴ Заметим, однако, что подобной позиции в отношении Счётной палаты

¹² См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 636.

¹³ См. там же. С. 756 – 757.

¹⁴ См. там же. С. 768.

придерживаются далеко не все отечественные конституционалисты. Многие исследователи не считают, что она представляет собой орган Федерального Собрания.

По мнению Б.С.Эбзеева, уполномоченный по правам человека в нашей стране является органом Федерального Собрания Российской Федерации и организационной формой его участия в обеспечении конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина.¹⁵ И в данном случае также далеко не все юристы разделяют эту точку зрения. С.А.Авакьян отмечает, что нет полной ясности относительно того, к какой из ветвей власти следует отнести Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и аналогичных уполномоченных в субъектах РФ.¹⁶

Что касается Конституционного суда Российской Федерации, то большинство отечественных юристов убеждены, что он относится к судебной ветви власти. Так, Л.В.Лазарев и В.А.Сивицкий пишут, что в Конституции положения об этом суде включены именно в главу 7 «Судебная власть (статья 125, часть 2 статьи 118, части 1 и 3 статьи 128). Это обстоятельство само по себе, по их мнению, подчёркивает принадлежность данного органа к судебной власти....¹⁷ Однако, существует и позиция. «Конечно, – пишет Ю.Л.Шульженко, – конституционный контроль имеет много общего с судебной властью. Но это не даёт, с нашей точки зрения, повода определять его как разновидность, составную часть правосудия и тем самым включать в судебную власть. Основное различие здесь связано со специфическим характером, содержанием решений, которые принимаются в ходе конституционного контроля»¹⁸.

Принимая во внимание изложенное, довольно странно представляются рассуждения В.А.Четвернина, утверждающего, что «существование в странах с недостаточно развитой государствен-

ностью таких органов, которые не укладываются в разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, свидетельствует о том, что в этих странах либо вообще нет разделения властей, либо оно принципиально нарушено»¹⁹. Во-первых, учреждение названных органов свидетельствует как раз, напротив, о достаточно высоком уровне развития государственности или об использовании странами третьего мира соответствующего передового опыта. Во-вторых, следуя логике В.А.Четвернина, мы с неизбежностью вынуждены будем констатировать, что государств, в которых практически реализован принцип разделения властей ничтожно мало. Но это не соответствует действительности.

Итак, многие российские и зарубежные конституционалисты настаивают на существовании и других самостоятельных ветвей власти. Речь, прежде всего, идёт о власти контрольной. Такой точки зрения придерживается, в частности, В.Е.Чиркин, полагая, что эта ветвь власти объединяет те государственные институты, основной функцией которых является контрольная функция.²⁰ В специальной главе своей монографии «Государствоведение», которая так и озаглавлена «Контрольная власть»²¹, он относит к этой власти органы конституционного контроля, прокуратуры, омбудсманов, счётные палаты.

Б.А.Страшун и Ал.А.Мишин считают, что для выделения контрольной ветви власти пока ещё не имеется достаточно оснований. Зато, по их мнению, есть определённые основания для утверждения о наличии в некоторых странах учредительной власти как особой ветви власти.²² «Мы в данном случае, – подчёркивают авторы, – имеем в виду не только и не столько учредительные собрания, которые создаются *ad hoc* (для данного случая) и с выполнением задач которых прекращается действие всех относящихся к ним правовых норм, сколько такие органы

¹⁵ См. там же. С. 769.

¹⁶ Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. 4-е издание, переработанное и дополненное. Т. 1. М.: НОРМА: Инфра-М, 2010. С. 398.

¹⁷ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 910.

¹⁸ Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора юридических наук. М., 1995. С. 11.

¹⁹ Проблемы общей теории права и государства. Под общ. ред. В.С.Нерсесянца. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА. М, 1999. С. 579.

²⁰ См.: Чиркин В.Е. Контрольная власть. Государство и право. 1993. №4. С. 11 – 12.

²¹ См.: Чиркин В.Е. Государствоведение. М.: Юрист, 1999. С. 358 – 374.

²² См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. Рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А.Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М.: Норма, 2005. С. 306 – 307.

учредительной власти, конституционный статус которых имеет постоянный характер»²³.

Ряд исследователей обосновывают необходимость выделения самостоятельной (четвёртой) президентской власти. С этим не согласен В.Д.Зорькин. Он называет доктрину четырёх властей спорной и напоминает, что она обычно связывается с именем Бенжамена Констана, энергично отстаивавшего её в интересах Наполеона. По мнению Председателя Конституционного суда нашей страны, «при таком подходе теряется смысл разделения властей (законотворчество – исполнительная деятельность – разрешение споров о праве)»²⁴.

Другие пишут о существовании так называемой четвёртой власти – средствах массовой информации. «Сегодня, – справедливо отмечает С.М.Шахрай, – превалируют две основные точки зрения на место и роль СМИ в обществе. Одна рассматривает их как орган власти, другая – как орган гражданского общества».²⁵ При этом практически все согласны с тем, что средства массовой информации, умело манипулируя общественным мнением, оказывают огромное влияние на политический климат в стране, результаты выборов в представительные и иные государственные органы всех уровней и даже на кадровые перестановки во властных структурах.

Нельзя не обратить внимания и на тот немаловажный факт, что упоминания о новых ветвях власти появились в Конституциях многих стран мира. Положения, закреплённые в Основных законах Никарагуа (1987 г.), Бразилии (1988 г.), Колумбии (1991 г.), Венесуэлы (1999 г.) и др., свидетельствуют о том, что конституционная доктрина ряда латиноамериканских стран исходит из существования избирательной власти (граждане, составляющие избирательный корпус). В Конституции Венесуэлы говорится о гражданской власти. Отдельная глава конституционного закона Швеции 1974 г. «Форма правления» называется «Контрольная власть» (справедливости ради, следует подчеркнуть, что в ней регламентируются главным образом контрольные

функции парламента).²⁶ Конституция «Китайской Республики», занимающей остров Тайвань, которая была принята в 1947 г. для всего Китая и действует сегодня с серьёзными поправками, предусматривает, помимо трёх традиционных ветвей власти, ещё и учредительную, контрольную и экзаменационную.²⁷

Вернёмся, однако, непосредственно к вопросу, вынесенному в заголовок настоящей статьи. Достаточно ли сегодня, на современном этапе исторического развития выделить лишь трёх ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной? Ответ, как нам представляется, должен быть отрицательным. В этом отношении теория разделения властей, как собственно и любая другая теория, нуждается в переосмыслении, совершенствовании, дальнейшем творческом развитии.²⁸ Об этом (что явствует из предыдущего повествования) красноречиво свидетельствуют суждения отечественных и зарубежных учёных-юристов, политических деятелей, равно как и конституционное законодательство многих иностранных государств. Этот постепенный, но, тем не менее, стремительно набирающий темпы отход от, казалось бы, незыблемых постулатов «классической» теории разделения властей вызван главным образом следующим. Дело в том, что усложнение и ускорение общественных процессов, их буквально с каждым днём всё более угрожающая бесконтрольность, объективно происходящее «втягивание» в орбиту государственного регулирования принципиально новых, доселе неизвестных феноменов общественного бытия и многие другие факторы обуславливают необходимость созидания новых

²³ Там же. С. 307.

²⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 12.

²⁵ Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы. М.: МГИМО(У) МИД России, 2002. С. 187.

²⁶ См. об этом подробнее: Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 156 –157; Чиркин В.Е. Государствоведение. М.: Юристъ, 1999. С. 96 –97; Правительство Российской Федерации. Под ред. Т.Я.Хабриевой. М.: Норма, 2005. С. 95 – 96.

²⁷ См. об этом подробнее: Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. Рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А.Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М.: Норма, 2005. С. 306 – 307.

²⁸ «Теория разделения властей, без изменений воспроизводимая в теории и официальных документах, – пишет Д.А.Керимов, – в настоящее время на практике не может быть признана в полной мере приемлемой, а посему нуждается в уточнении и дополнении». (Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. В 3 т. Т. 3. Правовое государство. М.: Современный гуманитарный университет. 2003. С. 94.)

властных институтов и структур, способных существенно повысить эффективность и вместе с тем обеспечить рациональность, справедливость и законность управления социумом. Естественно, что эти институты и структуры далеко не всегда вписываются в традиционную триаду, как зачастую не вписываются многообразные проявления реальной жизни в заранее разработанные теоретические схемы и конструкции.

Таким образом, формирование новых ветвей власти, как, впрочем, и модификация традиционных

– процесс неизбежный и исторически закономерный. Он уже начал своё поступательное движение во многих странах, что, как мы уже отметили, и находит отражение как в законодательных актах, прежде всего Конституциях, так и в трудах учёных-юристов. При этом, несомненно, следует иметь в виду, что далеко не все приводимые государствоведами аргументы в пользу существования или необходимости формирования той или иной новой ветви власти можно признать в полной мере научно обоснованными или истинными. Здесь необходимо время.

Библиография

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д.Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
2. Проблемы общей теории права и государства. Под общ. ред. В.С.Нерсесянца. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА. М, 1999.
3. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. 4-е издание, переработанное и дополненное. Т. 1. М.: НОРМА: Инфра-М, 2010.
4. Чиркин В.Е. Контрольная власть. Государство и право. 1993. №4.
5. Чиркин В.Е. Государствоведение. М.: Юристь, 1999.
6. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 2005.
7. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории. М.: Издательство НОРМА. 2007.
8. Шульженко Ю.Л. Конституционный контроль в России. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора юридических наук. М., 1995.
9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. Рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А.Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. М.: Норма, 2005.
10. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы. М.: МГИМО(У) МИД России, 2002.
11. Правительство Российской Федерации. Под ред. Т.Я.Хабриевой. М.: Норма, 2005.
12. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. В 3 т. Т. 3. Правовое государство. М.: Современный гуманитарный университет. 2003.
13. Баглай М.В., Ильинский И.П., Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М., 1993.
14. Барнашов А.М. Некоторые особенности российской модели разделения властей по Конституции Российской Федерации 1993 г. Актуальные проблемы правоведения в современный период. Под ред. В.Ф.Воловича. Томск, 1996.
15. Чеботарёв Г.Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации. Тюмень, 1997.

References (transliteration)

1. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii. Pod red. V.D.Zor'kina. 2-e izd., peresmotr. M.: Norma: INFRA-M, 2011.
2. Problemy obwej teorii prava i gosudarstva. Pod obw. red. V.S.Nersesjanca. M.: Izdatel'skaja gruppa NORMA – INFRA. M, 1999.
3. Avak'jan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii. V 2 t. 4-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. T. 1. M.: NORMA: Infra-M, 2010.

4. Chirkin V.E. Kontrol'naja vlast'. Gosudarstvo i pravo. 1993. №4.
5. Chirkin V.E. Gosudarstvovedenie. M.: Jurist#, 1999.
6. Chirkin V.E. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Jurist#, 2005.
7. Kerimov A.D. Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii. M.: Izdatel'stvo NORMA. 2007.
8. Shul'zhenko Ju.L. Konstitucionnyj kontrol' v Rossii. Dissertacija v vide nauchnogo doklada na soiskanie uch-jonoy stepeni doktora juridicheskikh nauk. M., 1995.
9. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran. Obwaja chast'. Ruk. avt. koll. i otv. red. B.A.Strashun. 4-e izd., obnovl. i dorab. M.: Norma, 2005.
10. Shahraj S.M. Gosudarstvo i globalizacija: metodologicheskie i politiko-pravovye problemy. M.: MGIMO(U) MID Rossii, 2002.
11. Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. Pod red. T.Ja.Habrievoj. M.: Norma, 2005.
12. Kerimov D.A. Problemy obwej teorii prava i gosudarstva. V 3 t. T. 3. Pravovoe gosudarstvo. M.: Sovremennyj gumanitarnyj universitet. 2003.
13. Baglaj M.V., Il'inskij I.P., Jentin L.M. Razdelenie vlastej: opyt sovremennyh gosudarstv. M.,1993.
14. Barnashov A.M. Nekotorye osobennosti rossijskoj modeli razdelenija vlastej po Konstitucii Rossijskoj Federacii 1993 g. Aktual'nye problemy pravovedenija v sovremennyj period. Pod red. V.F.Volovicha. Tomsk, 1996.
15. Chebotarjov G.N. Princip razdelenija vlastej v gosudarstvennom ustrojstve Rossijskoj Federacii. Tjumen', 1997.